

Илья Петрухин

Осовец. Книга 5: Химическая атака

18+

Илья Петрухин

Осовец. Книга 5:
Химическая атака

«Автор»

2026

Петрухин И.

Осовец. Книга 5: Химическая атака / И. Петрухин — «Автор», 2026

Апрель 1915 года. Крепость Осовец. Капитан Кирилл Львов, инженер и аналитик, первым распознаёт приготовления немцев к газовой атаке. Вместе с китайской сестрой милосердия Ли Цзи, чей медицинский гений граничит с ясновидением, он в бешеном темпе готовит гарнизон к встрече с невидимой смертью. Их приказ о тряпичных повязках, пропитанных содовым раствором и даже мочой, становится единственным щитом между жизнью и агонией. Когда зелёное облако хлора накрывает окопы, начинается ад. Лазарет превращается в филиал преисподней, где Ли Цзи, преодолевая животный ужас, сражается за каждое дыхание. Кирилл, отравленный и слепнувший, падает на наблюдательном пункте. Но его приказы, отданные заранее, продолжают руководить боем.

© Петрухин И., 2026

© Автор, 2026

Илья Петрухин

Осовец. Книга 5: Химическая атака

Апрель 1915 года выдался на редкость паршивым. Снег уходил неохотно, со слезами, превращая истерзанную землю в студенистое месиво. Окопы, ещё неделю назад напоминавшие промерзшие ущелья, теперь чавкали под ногой, пуская холодную воду по голенищам сапог. Казалось, сама природа взяла паузу, даря передышку обескровленным армиям.

Но с немецкой стороны не пахло весенним затишьем. Там, за ничейной полосой, зрела странная, зловещая лихорадка.

Дозоры возвращались один за другим, и их доклады сбивали с толку бывалых офицеров. Немецкая пехота не углубляла траншеи и не стягивала резервы для штурма. Вместо этого вдоль передовых позиций, словно ядовитые грибы после дождя, вырастали сотни массивных металлических баллонов. Их аккуратно маскировали под брустверами, но тусклый блеск стали то и дело выдавал присутствие чего-то чужеродного, индустриального. Они не походили ни на орудия, ни на наблюдательные колпаки — скорее на детали гигантского, еще не собранного механизма.

Другие разведчики, вернувшиеся с левого фланга, докладывали о странной земляной работе. Немцы рыли неглубокие, но непривычно широкие траншеи, тянувшиеся параллельно линии фронта. Назначение их оставалось загадкой: слишком мелко для укрытия от шрапнели, слишком широко для простого хода сообщения.

Кирилл Львов, стиснув челюсть, слушал эти сводки, и где-то на дне сознания ворочалось холодное, липкое беспокойство.

— Дьявольщина какая-то, — бросил подполковник Гурко, хмуря брови над картой. — Может, хотя бы запустить слух о новых пушках, чтобы мы оголили соседний участок?

Львов не ответил. Он вдруг с поразительной отчетливостью вспомнил душный класс Академии Генерального штаба, скрип мела по доске и скучноватый, почти фантастический доклад о странной атаке у бельгийского города Ипр. Тогда, год назад, это казалось варварским анахронизмом — пускать облако отравы, как в средние века. Слишком непредсказуемо, слишком зависимо от ветра. Ерунда.

Но если ветер дует в нашу сторону...

Кирилл резко встал, натянул маскировочный балахон и, не слушая окриков штабных, двинулся к самому опасному наблюдательному пункту — выступу, вдающемуся в нейтральную полосу.

Он лёг на холодный, мокрый гравий, прильнул к цейсовской оптике. Бинобль дрожал в руках — то ли от холода, то ли от нехорошего предчувствия. Львов медленно повёл стеклами вдоль немецкого бруствера.

Баллоны. Десятки, сотни цилиндрических туш, присыпанных землей и хворостом. Их расположение не подчинялось никакой логике классической артиллерии. Они не были нацелены. Они просто *стояли*, выжидая.

Кровь стыла в жилах. Не от порыва ветра — от понимания.

Кирилл Львов не был теоретиком, прячущимся за стопкой рапортов. Его ум, закаленный в боях и приученный к анализу, мгновенно сложил эту мозаику в единую, чудовищную картину. Неглубокие траншеи — не окопы. Это *рельсы* для отката собственной пехоты, чтобы они сами не задохнулись. Широкие ходы — не укрытия. Это *русло* для зелёной волны смерти. Баллоны — не оружие. Это — клапаны газового завода, принесённого к нашим траншеям.

Это была не подготовка к штурму.

Львов медленно опустил бинокль. Пальцы примерзли к латунной оправе. Он смотрел, как над немецкими позициями колыхается мутная дымка, поднимаясь вверх — туда, где за облаками набирал силу невидимый отсюда западный ветер.

— Господи, — одними губами прошептал он. — Они собираются нас не атаковать. Они собираются нас *вытравить*.

Он рывком отполз от бруствера и, не оглядываясь, побежал, срывая голосовые связки в крике, который должен был обогнать отраву:

— Газ! Газ, мать вашу! Всем трофейные противогазы надеть! Ветрометрическую станцию к чёрту — поднимайте резервы из низин! Всем выйти на возвышенности! Живо!

В его спину дул влажный, обманчиво тёплый апрельский ветер, который нёс смерть быстрее любого снаряда.

Он не помнил, как спустился с наблюдательного пункта.

Ноги сами несли его по хлипким деревянным сходням, через внутренний двор крепости, мимо застывших часовых и санитаров, волокущих носилки. Кирилл не отдавал приказов. Он не мог. Сейчас любое слово, сказанное не тому человеку, любое промедление — смерть. Сначала нужно было найти её.

Он почти бежал. Сапоги чавкали по апрельской каше, плащ-палатка хлестала по коленям. Сердце колотилось где-то в горле, и перед глазами всё ещё стояла та картина в оптике: десятки тупорылых цилиндров, выжидающих сигнала.

Лазарет встретил его запахом карболки, йода и той особенной, тошнотворной сладости, что всегда сопутствует гангрене. Кирилл влетел внутрь, не стучась, не спрашивая разрешения, — порыв ветра хлопнул дверью так, что задребезжали хирургические лотки.

— Где она? — хрипло спросил он у опешившей сестры милосердия. — Где Ли Цзи?

Та молча показала взглядом в глубину палаты.

Он нашёл её у третьей койки. Она стояла, склонившись над раненым, и размеренно, с той азиатской неторопливостью, что выводила из себя многих грубых военных, накладывала свежий бинт поверх пропитанной сукровицей марли. Пальцы её двигались точно, веско, будто она перебирала чётки.

Кирилл не стал дожидаться, пока она завяжет узел. Он схватил её за запястье — выше локтя, где билась тугая, горячая жилка.

— Ли Цзи.

Она подняла голову. В её чёрных, бездонных глазах мелькнуло удивление — такое бывает, когда спящего будят среди ночи криком. Но она не вырвала руку.

— Газы, — выдохнул он, и собственный голос показался ему чужим. Сиплым, надломленным, лишённым той командирской стали, что всегда звучала в его приказах. — Они готовят газовую атаку. Баллоны. Сотни баллонов. Я видел.

Он услышал в своих словах то, чего стыдился: неподдельный, животный страх. Не перед пулей, не перед штыком — перед тем, чего нельзя увидеть, нельзя пощупать, чему невозможно противопоставить привычную храбрость.

Ли Цзи замерла.

Её руки, только что такие уверенные, остановились на полуслове. Бинт повис белой змеей, коснувшись грязного пола, но она не обратила на это внимания. Она смотрела на Кирилла, и её взгляд медленно менялся — от удивления к узнаванию, от узнавания к той страшной пустоте, когда сознание принимает невозможное.

Её глаза стали остекленевшими.

Она не удивилась. Вот что поразило его больше всего. В её лице не было той недоверчивой усмешки, с какой штабные теоретики встречали разговоры о химическом оружии. Она смотрела так, будто давно ждала этого известия.

В её памяти, словно грязная вода сквозь прорванную плотину, хлынули обрывки чужих слов. Рассказы старых солдат, вернувшихся с Дальнего Востока. Шёпот о том, что японцы на Ханкале и в Маньчжурии ставят опыты на живых людях. Отравляющие вещества. Камеры. Крики, которые никто не слышит.

Ли Цзи закрыла глаза.

На одно долгое, бесконечное мгновение её лицо сделалось беззащитным — девочка из Харбина, видевшая слишком много боли. Она словно принимала новый, чудовищный удар судьбы: мало им было свинца, мало штыков, мало бомб — теперь мир спустил с цепи нового зверя.

А когда она открыла глаза, в них не осталось ни страха, ни жалости к себе.

Только ледяная, бездонная решимость.

Только холод профессионала, который стоит лицом к лицу с незнакомой смертью и начинает прикидывать, как её *опознать*. Как её *измерить*. Как понять, что с ней делать, когда она хлынет в траншеи зелёным туманом.

— Я читала... — начала она тихо, почти бесстрастно, и голос её звучал так, будто она перебирала медицинский справочник, а не хоронила последние иллюзии о «цивилизованной войне». — О фосгене. Бесцветный газ. Тяжелее воздуха. Стелется по земле.

Она перевела взгляд на свои пальцы — они слегка дрожали, но она заставила их успокоиться усилием воли.

— Удушье, — продолжила Ли Цзи, и каждое слово падало в тишину лазарета, как камень в ледяную воду. — Отёк лёгких. Жидкость заполняет альвеолы. Человек тонет в собственном дыхании за два-три часа. Никакой паники. Только тихое, необратимое утопление. Лёгкие — как губки, полные крови.

Она замолчала. Где-то в углу застонал раненый, но ни Кирилл, ни Ли Цзи не обернулись.

Её медицинский, вышколенный ум уже работал в полную силу, переводя угрозу из области слухов и смутных опасений в область конкретных, пугающих симптомов. Она уже прикидывала, сколько бинтов уйдёт на повязки, сколько нашатыря — на пробуждение задохнувшихся. Она уже знала, что против обычного газа тряпка, смоченная мочой, — слабая защита. Что нужны маски. Что их нет.

— Если они пустят облако, — сказала она, глядя Кириллу прямо в глаза, и в её взгляде не было упрёка, только голая правда, — то к утру лазарет станет моргом. А я останусь без пациентов. Просто потому, что их будет некому спасать.

Она наклонилась, подняла с пола упавший бинт, и в этом жесте — обыденном, почти бытовом — было столько страшного достоинства, что у Кирилла перехватило дыхание.

— Что ты хочешь, чтобы я делала? — спросила Ли Цзи. — Готовься к худшему?

Он посмотрел на неё — эту хрупкую женщину в запачканном кровью фартуке, которая только что спокойно описала ему смерть, как описывают простуду. И понял, что страшно ему больше не было.

Было только одно желание: успеть. Успеть всё — предупредить, подготовить, спасти тех, кого ещё можно спасти.

— Готовься, — ответил он. — Но молись, чтобы мои глаза меня обманули.

Они говорили так, будто репетировали этот разговор всю жизнь. Коротко. Отрывисто. Без лишних междометий и бесполезных «что же теперь делать».

— Сколько у нас времени? — спросила она, уже разворачиваясь к шкафу с медикаментами.

— Зависит от ветра, — ответил Кирилл, и голос его окреп, возвращая себе командирскую чёткость. — Сейчас западный. Слабый. Если усилится и переменится на северо-западный — считай, часы. Может, меньше.

— Расстояние до их позиций?

— Шестьсот — восемьсот метров. Облако пройдёт за пять — семь минут. Быстрее, чем любой гонец.

Она кивнула, будто он сообщил ей расписание поездов. Не вздрогнула, не переспросила.

— Фосген тяжелее воздуха, — произнесла она, перебирая пузырьки с нашатырным спиртом. — Будет стелиться по низинам. Траншеи, овраги, подвалы — всё это станет ловушками. Люди, спустившиеся в укрытие, умрут первыми.

— А если подняться на бруствер?

— Если облако плотное — не спасёт. Фосген раздражает слизистые, но главное — лёгкие. Симптомы начнутся через два-три часа. Кашель, жжение за грудиной. Потом отёк. Потом — пена изо рта. Розовая. Кровянистая.

Она говорила это так же, как могла бы говорить о кори или скарлатине. Бесстрастно. Клинически.

Кирилл стиснул зубы.

— Защита?

— Марлевая повязка, смоченная мочой, — она поморщилась, но тут же взяла себя в руки. — Или гипосульфитом. Или содой. Но это от хлора. От фосгена... — она на мгновение замерла. — От фосгена почти ничего нет. Только маска с угольным фильтром. А у нас таких нет.

— У немцев есть.

— Значит, они выживут. А мы — нет.

Это был не упрёк. Это была констатация. Холодная, безжалостная, профессиональная.

Пока они говорили, там, за нейтральной полосой, немцы заканчивали приготовления.

Их действия были методичны и лишены той лихорадочной суеты, что всегда предшествует атаке. Никто не бегал, не кричал, не поправлял съехавшую амуницию. Они напоминали не солдат, готовящихся к бою, а техников, налаживающих сложный, смертоносный механизм.

Вот двое в резиновых масках (уже в масках — загодя, осторожно) затягивают последние хомуты на вентилях. Вот третий проверяет манометры, постукивая по тускло блестящим циферблатам. Вот четвёртый, с планшетом в руках, сверяется с анемометром — маленькой вертушкой, поднятой на шесте.

Баллоны стояли ровными рядами, присыпанные землёй и еловым лапником. Толстые шланги, похожие на брюхо удавов, тянулись от них к переднему краю, заканчиваясь короткими насадками, направленными в сторону русских траншей.

Всё было готово.

И вдруг — тишина.

С немецкой стороны прекратилась любая активность. Смолк редкий перестук лопат, замер говор, даже лязг металла, такой привычный за месяцы позиционной войны, исчез, будто его вырезали ножом.

Наступила неестественная, гнетущая тишина.

Такая, какая бывает перед грозой, когда воздух становится плотным, как кисель, и каждый звук — собственное дыхание, хруст гравия под подошвой — кажется кощунственным, слишком громким.

Они ждали.

Ждали нужного направления ветра.

Немецкие метеорологи, в очках и сдвинутых на затылок касках, поднимали мокрые пальцы, проверяли ленту дымовой шапки. Ветер пока не слушался. Он шёл с запада, но слабо, неуверенно, будто колебался.

Но он должен был послушаться. В этом мире, где люди научились убивать паром из баллона, даже ветер переставал быть свободным.

Кирилл и Ли Цзи вышли из лазарета вместе.

Он — порывистый, сжавший кулаки так, что побелели костяшки. Она — тихая, собранная, с пачкой чистых бинтов под мышкой, словно на всякий случай.

Они остановились у крыльца, не сговариваясь. Встали плечом к плечу, глядя туда, где за серой пеленой утренней дымки угадывались немецкие брустверы.

Ветра почти не было. Только слабое, едва ощутимое движение воздуха холодило щёки — влажное, обманчиво свежее. Апрель пах оттаявшей землёй, прелой листвой и — чуть-чуть, едва уловимо — чем-то металлическим. Или это только чудилось?

Они молчали.

Они знали, что там готовится. Они знали, что за этими холмиками, за этими чахлыми кустами лежат сотни баллонов, наполненных смертью. Они знали, что через несколько часов, а может, минут, зелёная волна хлынет к их траншеям, затечёт в подвалы крепости, заполнит лазареты, блиндажи, капониры.

И они знали, что почти бессильны.

Кирилл мог отдать приказ. Поднять людей из низин. Раздать тряпки, приказав мочить их в чём попало. Приказать стрелять по баллонам — но шрапнель не пробьёт сталь, а прямой наводкой не ударить, не видно целей. Он мог только ждать.

Ли Цзи могла приготовить сотни повязок, выставить тазы с раствором, освободить койки. Но она знала: если облако будет плотным, если ветер не переменится, все эти койки останутся пустыми. Потому что некого будет на них класть.

Они стояли рядом — двое из тех, кто видел правду. Немые свидетели собственной потенциальной казни.

Тишина давила. Гнетущая, неестественная, она заползала в уши, как вата, притупляя звуки. Не слышно было даже птиц — звери и пернатые всегда чуют беду раньше людей и уходят. Уходят. А они оставались.

И тогда Кирилл заговорил. Первым. Хрипло, с надрывом, но в его голосе уже не было того животного страха, что слышался в лазарете. Страх ушёл. Осталась только сосредоточенная, колючая ярость человека, который отказывается умирать лёжа.

— Нужно что-то делать, — сказал он, не отрывая взгляда от немецких позиций. — Хотя бы повязки... с раствором... Сейчас же организовать. Мобилизовать всех, кто может держать иглу. Перевести раненых из подвалов наверх, в казармы. И...

Он запнулся, облизнул пересохшие губы.

— И найти всякую дрянь — дёготь, скипидар, хлорку. Всё, что воняет. Всё, что может перебить этот... этот газ. Пусть люди намочат тряпки хоть в собственной моче, но дышат через мокрое. Это не спасёт, но даст минуты. Лишние минуты.

Он повернулся к Ли Цзи. В его глазах горел тот холодный, опасный огонь, который появляется у загнанного в угол зверя.

— Я не позволю им вытравить нас, как крыс. Мы будем драться. Мы будем задыхаться — но будем стрелять. Мы будем слепнуть — но будем колоть штыком. А ты... ты будешь делать своё дело. До последнего. Пока есть кому делать.

Она посмотрела на него — на этого человека, который минуту назад сам дрожал от ужаса, а теперь говорил о сопротивлении, как о единственно возможном способе умереть достойно. И в её глазах, таких тёмных и глубоких, что в них можно было утонуть, мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Я всегда делаю своё дело, Кирилл Львов, — тихо ответила она. — Даже если пациенты умирают. Особенно — если умирают.

Она развернулась и пошла обратно в лазарет — быстрым, лёгким шагом, каким ходят женщины, привыкшие к бессонным ночам и грязной работе. На пороге обернулась:

— Повязки будут через час. Раствор — через два. Если, конечно, этот ваш ветер не решит поторопиться.

И скрылась за дверью, оставив Кирилла одного под серым, низким небом, наедине с немецкими баллонами и тишиной, которая больше не казалась пустой.

Она была беременна смертью.

— Сода. Вода. Моча, — перечислила Ли Цзи, словно зачитывала рецепт. — Лучше ничего не придумать. Я подготовлю инструкции для санитаров. Два слоя марли. Пропитать. Отжать, чтобы дышалось, но не текло. Менять каждые полчаса.

— Полчаса? — переспросил Кирилл.

— Если дышать через мокрую тряпку — она быстро сохнет. Высохшая — бесполезна. А если раствор слабый — бесполезна сразу. Я велю добавить соды побольше. Хотя какая-то надежда.

Она не сказала «спасение». Она больше не употребляла этого слова.

Кирилл кивнул и, не прощаясь, шагнул в серую апрельскую муть. Их разговор был окончен. Они оба знали, что сейчас важны не слова.

Немецкие метеорологи тем временем проводили последние замеры.

Маленькая вертушка анемометра вращалась ровно, без рывков. Шёлковый флажок на длинном шесте вытянулся, как указующий перст, — туда, на восток, в сторону русских позиций. Офицер в пенсне, с аккуратно подстриженной бородкой, сверил показания с барометром, заглянул в таблицу влажности.

— Драй усер Вест, — негромко произнёс он. — Стабильно. Не ниже трёх метров в секунду. Влажность — шестьдесят процентов. Туман ожидается к утру. Идеальные условия.

Он повернулся к командиру батальона, стоявшему чуть поодаль в своей неизменной фуражке с козырьком, натянутой на самые брови. Короткий кивок.

Приказ о готовности отдавался без лишних слов. Телефонист крутанул ручку полевого аппарата, бросил в трубку несколько сухих, как песок, фраз. И всё.

Баллоны ждали.

По русским окопам передавали приказ Кирилла.

— Слухай сюды! — хрипел уса́тый фельдфебель, обходя траншеи. — Заготовить тряпки! Банки с водой! Соды, если есть! Каждому!

Солдаты переглядывались. Кто-то согласно кивал, привыкший доверять начальству. Кто-то сплёвывал сквозь зубы, покручивая сигарку.

— Тряпки? — переспросил молодой, с испуганными глазами. — Это вместо пороха, что ли?

— Не рассуждай! — рявкнул фельдфебель, хотя сам не понимал. — Капитан велел. Учёный он, али нет? Учёные дурного не посоветуют.

— Ага, — хмыкнул пожилой, заросший щетиной стрелок. — В академии их, поди, учили, как тряпками воевать. А мы тут, выходит, за тряпкоматы?

Солдаты засмеялись — нервно, натужно, как смеются люди, чувствующие за спиной невидимую беду. Но подчинились. Разодрали нательные рубахи. Налили во фляги и котелки воды. Нашарили в вещмешках заветренные куски хозяйственного мыла.

Никто не верил, что это спасёт. Многие считали приказ блажью «учёного капитана» — ещё одной странной идеей штабного, который, может, и умён, но окопной грязи не нюхал.

Но тряпки заготовили.

На всякий случай.

Кирилл и Ли Цзи разошлись.

Он — в сторону мастерских, где приказал согнать всех, кто умел держать в руках ножницы и иглу. Туда несли простыни, наволочки, мешки из-под крупы. Резали. Складывали. Смачивали в чанах с мутной, пахнущей содой водой. Сушили на верёвках — чтобы не промокли, но и не пересохли. Воняло щёлоком и потом.

Он сам проверял каждый узел. Сам поправлял, перевязывал, ругался матом, когда видел небрежность.

— Сделайте так, — говорил он, не повышая голоса, и от этой тихой, стальной интонации люди работали быстрее, — будто это для ваших детей. Потому что, может, так оно и есть.

Она — в лазарет, чтобы превратить его в ожидаемый ад.

Ли Цзи шла медленно, ступая по размокшей брусчатке крепостного двора. В руке — пачка бинтов, под мышкой — потрёпанный томик фармакопеи. За спиной — тишина, которая с каждым часом становилась всё тяжелее.

Она вошла внутрь, окинула взглядом палаты. Два десятка коек. Раненые — кто в бреду, кто в забытии. Санитары — с покрасневшими глазами, с дрожащими руками.

— Слушайте меня, — сказала она негромко, но так, что в палате стало тихо. — Завтра, возможно, у нас будет много работы. Такой, какой мы не делали никогда.

Она велела освободить подвалы — вынести всех, кого можно поднять. Проветрить помещения. Заготовить сотни повязок. Растворить в бочках соду и гипосульфит — всё, что нашлось в аптечке крепости.

— Те, кто будут кашлять, — говорила она, — класть на левый бок. Те, у кого пена изо рта — поднимать голову. Не давать пить. Не давать двигаться. Если будут задыхаться — не отходить ни на шаг.

Она замолчала и посмотрела в окно — туда, где за стенами крепости сгустились сумерки.

В её голове тихо, на самой грани слышимого, звучало прощание. Не с кем-то конкретным — с тем немногим покоем, что у них был. С иллюзией, что война может быть честной. С надеждой, что медицина успевает за убийством.

— Всё, — сказала она, оборачиваясь. — Работаем.

Ночь прошла в напряжённом ожидании.

Немцы не спали. Не спали, но и не суетились. Последние приготовления шли своим чередом — без фанфар, без молитв. Просто работа.

Баллоны выстроили в безупречную линию — ровно, как солдат на плацу. Вентили смазали. Шланги проверили на разрывы. Рядовые в резиновых масках сидели в траншеях, привалившись к брустверам, и курили — короткими, нервными затяжками. Офицеры то и дело сверялись с картами, с ветром, с часами.

Ветер покачивал флаги на немецких позициях. Они шевелились лениво, как спросонья, но неуклонно — всё в ту же сторону.

На восток.

В сторону Осовца.

Кто-то из солдат-кайзеровцев, молодой, с ещё не обветренным лицом, посмотрел на эти флаги, потом на баллоны, потом на тёмную полосу русского фронта — и перекрестился. Ефрейтор, сидевший рядом, молча ударил его по затылку:

— Не позорься, Эрвин. Они — русские. Они не люди.

Эрвин опустил руку. Но креститься не перестал.

К рассвету ветер усилился.

Он шёл с запада — ровный, уверенный, холодный. Он нёс запах оттаявшей земли, прелой листвы и — чего-то ещё. Чего-то металлического, острого, отчего першило в горле, даже если просто стоять и смотреть в ту сторону.

Приговор был подписан.

Осталось только привести его в исполнение.

На русских позициях, в траншеях, блиндажах и казармах, люди зажимали в кулаках мокрые тряпки, шептали молитвы, матерились — и ждали.

Капитан Львов стоял у наблюдательного пункта, не отрывая бинокля от немецких баллонов. Ли Цзи сидела в лазарете, перебирая хирургические инструменты — тускло блестящие, такие бесполезные против того, что должно было прийти.

Никто из них не спал.

Никто из них не надеялся на чудо.

Они просто делали своё дело.

Потому что больше некому.

У Кирилла не было времени на панику.

Та, что сковала его несколько часов назад — холодная, липкая, парализующая, — исчезла, будто её и не было. Или не исчезла, а трансформировалась во что-то другое: в бешеную, почти пугающую скорость мысли, в чёткость решений, в жёсткость интонаций.

Он отдавал приказы коротко, как выстрелы.

— Сапёров — ко мне. Поваров — к интенданту. Всех, у кого есть две руки и нет ранений — на плац.

— Склад: выдать всё, что можно резать. Простыни, наволочки, портянки, мешки. Всё!

— Пустые банки — из-под консервов, из-под керосина, вёдра, бочки. Наполнить водой. Расставить через каждые двадцать шагов в траншеях.

Адъютант, молодой поручик с ещё не обсохшими за ушами, пытался записывать, но Кирилл вырвал у него карандаш:

— Не пиши. Делай.

И поручик побежал, спотыкаясь о скользкие камни, потому что в голосе капитана было то, что не обсуждают.

По всей крепости закипела странная, лихорадочная работа.

В землянках, чьи своды помнили ещё Наполеона, в казематах с полуметровыми стенами, под открытым небом — везде, где находилась ровная поверхность, организовывались импровизированные мастерские.

Солдаты, только что дремавшие в казармах, теперь сидели на корточках и рвали ткань. Старую, штопаную-перештопаную, пропахшую потом и порохом. Нательные рубахи, портянки, простыни из госпиталя — всё шло в дело.

— Шире режь! — кричал усатый капрал, сам не понимая, зачем. — Не жалея! Капитан сказал — на два слоя!

Повара, бросив свои котлы, таскали вёдра с водой из колодцев и бочек. Кто-то из артиллеристов приволок огромную канистру из-под смазки — выпарил её кипятком, залил водой. Воняло керосином, но ёмкость приняли.

Многие работали молча, сосредоточенно, стараясь не думать о том, зачем всё это. Но кое-кто не выдерживал.

— Слушай, земляк, — обратился молодой стрелок к соседу, разрывая на полосы свою единственную запасную рубаху. — Ты понял, к чему это?

— Не понял, — честно ответил тот. — Но капитан Львов дурного не прикажет. Я его ещё под Лодзью помню. Он людей зря не гонял.

— Да я не против. Но тряпки? Вода? Мы что, мокрыми тряпками немцев закидаем?

Сосед пожал плечами. Потом вдруг посерьёзней, опустил голос:

— Ты слышал, что разведчики докладывали? Баллоны у них там. Баллоны с газом.

— С каким газом?

— А чёрт его знает. Но раз капитан велел тряпки мочить — значит, от этого газа тряпки спасают. Или хотя бы пытаются.

Молодой стрелок замолчал. Потом молча разорвал рубаху на четыре полосы вместо двух.

Ли Цзи стала его главным консультантом и организатором с медицинской стороны.

Пока Кирилл метался между мастерскими, проверял ёмкости и материл нерадивых, она сидела в углу каземата на перевёрнутом ящике и строчила инструкции. Её почерк, обычно идеальный — каллиграфический, как у китайских учёных, — сейчас сделался торопливым, угловатым, почти нечитаемым.

Но санитары разбирали эти листки, как священное писание.

«Признаки отравления: кашель, жжение в глазах, головокружение. При тяжёлой форме — синюшность губ, пена изо рта.»

«Повязка: два слоя марли или тонкой ткани. Пропитать раствором. Накладывать немедленно при первых признаках.»

«Состав раствора: на литр воды — две столовые ложки пищевой соды. Если соды нет — гипосульфит. Если нет ничего — моча. Не стесняться.»

Последняя фраза была написана крупно, подчёркнута дважды, и рядом стояло восклицание. Ли Цзи не брезговала. Она знала: в окопах стесняться некогда. И умирать — тоже.

Она лично обошла все мастерские.

Её тихий, но властный голос, в котором не было и следа той хрупкой китайки, какой её знали по лазарету, пререзал гул недоумения и усталости.

— Слушайте меня внимательно! — говорила она, останавливаясь посреди группы солдат, разрывающих ткань. — Повязка должна быть мокрой. Сухая — бесполезна. Пропитывать заново каждые полчаса. Раствор простой: сода и вода. Две ложки на литр.

— А если воды нет, барышня? — спросил кто-то из сапёров, с хитринкой в глазах.

Ли Цзи посмотрела на него в упор. Без тени смущения, без намёка на девичью стыдливость.

— Если нет воды — используйте мочу. Это важно. Лучше моча, чем сухая тряпка.

Сапёр поперхнулся смешком. Кто-то хмыкнул. Но смех быстро затих, потому что в глазах у этой маленькой женщины была такая серьёзность, что шутки казались кощунством.

— Поняли? — переспросила она.

— Поняли, барышня, — ответил за всех пожилой фельдфебель. — До мочи дойдёт — не постесняемся. Не впервой.

Ли Цзи кивнула и пошла дальше.

Параллельно она проводила ускоренные «курсы» для санитаров и офицеров.

В тесной землянке, где пахло сыростью и махоркой, собралось человек двадцать. Санитары с красными от бессонницы глазами, ротные командиры в мятых кителях, несколько вольноопределяющихся с карандашами наготове.

Ли Цзи стояла перед ними, держа в руке повязку, свёрнутую в плотный рулон.

— Смотрите сюда, — начала она без предисловий. — Фосген — газ тяжёлый. Он стелется по земле. Если вы увидели туман, который клубится ниже пояса — не ждите, пока он поднимется к лицу. Бегите вверх. На бруствер, на насыпь, на деревья. Всё, что выше, — лучше, чем в траншее.

Она развернула повязку.

— При первых признаках — резь в глазах, першение в горле, кашель — накладывайте повязку. Немедленно. Не дожидайтесь, пока человек упадёт. Если упал — тащите. За шиворот, за руки, волоком. Любое промедление — смерть.

— А если он уже задыхается? — спросил молодой санитар, бледный, с дрожащими губами.

Ли Цзи посмотрела на него. В её взгляде не было жалости — только ледяная, профессиональная правда.

— Если задыхается — кладите на левый бок. Голову приподнимите. Не давайте пить. Не пытайтесь вызвать рвоту. И не оставляйте одного. Человек с отёком лёгких тонет в собственной слизи. Ему страшно. Будьте рядом.

— А лекарства? — спросил кто-то из офицеров.

— Лекарств нет, — ответила Ли Цзи так же спокойно, как если бы сообщила погоду. — Есть только кислород. Но у нас его тоже нет. Поэтому ваша задача — не лечить. Ваша задача — облегчить. И отсрочить. Пока лёгкие ещё работают.

В землянке стало тихо. Кто-то выругался сквозь зубы. Кто-то перекрестился.

Ли Цзи сложила повязку и убрала в карман.

— Вопросы? — спросила она.

Вопросов не было. Потому что задавать их было некому. Война не любит вопросов.

Она вышла из землянки и столкнулась с Кириллом. Тот стоял, прислонившись к стене, и курил — жадно, глубоко, с наслаждением человека, который не знает, когда сможет сделать следующую затяжку.

— Всё? — спросил он, взглянув на неё.

— Почти, — ответила Ли Цзи. — Осталось только ждать.

Он кивнул, затушил папиросу о каблук и посмотрел на небо. Серое, низкое, без единого просвета.

Ветер дул с запада.

Всё ещё с запада.

— Ждать, — повторил Кирилл. — Это мы умеем.

Её самая страшная работа началась в лазарете.

Ли Цзи стояла посреди операционной, оглядывая пространство глазами хирурга, привыкшего раскладывать инструменты в идеальном порядке. Но сейчас она раскладывала не скальпели и зажимы. Она готовила лазарет к наплыву жертв, зная: для многих из них помощь будет бесполезна.

— Освободить всё, что можно, — сказала она старшей сестре. — Лёгких раненых — перевести в казармы. Тяжёлых — оставить, но сдвинуть, чтобы освободить место на полу. Снимите койки, где возможно. Люди будут лежать на носилках, на матрасах, на шинелях. Им всё равно будет не до комфорта.

Старшая сестра, пожилая женщина с лицом, изрезанным морщинами и горем, молча кивнула. Она давно перестала задавать вопросы.

Ли Цзи прошла к столу, где лежали стопки свежих бинтов. Она принялась раскладывать их ровными рядами — десятки, сотни. Белые полотнища, ещё не тронутые кровью. Она знала: через сутки они станут бурыми, пропитанными сукровицей и пеной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.